

— Ты можешь не слушать, но это факт, — произнеся это, он вновь склонился вниз.

Чу Цзяэнь, не желавший верить словам мужчины, с трудом высвободил одну руку. Цинь Син, погружённый в свои мысли, даже не смотрел на него. Освободившаяся рука потянулась к изголовью кровати, где лежала стеклянная пепельница.

Стиснув зубы, он схватил её и со всей силы ударил ею по голове мужчины.

Раздался глухой звук. Тупой предмет ударил Цинь Сина прямо в переносицу, и тут же потекла кровь.

Мужчина замер. Глядя на Чу Цзяэня, который лежал под ним, словно застывший, его взгляд наполнился смешанными чувствами удивления и гнева.

Последний тяжело дыша, отодвигался назад, стараясь держаться подальше от Цинь Сина. В руке он всё ещё сжимал окровавленную пепельницу.

Он казался смертельно напуганным или же слишком разгневанным новостью о том, что Цзо Сюань собирается жениться. Глаза его налились кровью, и он закричал на мужчину:

— Убирайся отсюда! Держись подальше от меня!

Увидев, что Цинь Син остаётся стоять на месте, Чу Цзяэнь начал яростно швырять всё подряд. Настольная лампа, стакан — всё летело в Цинь Сина. Слышались шаги — по звуку в комнату врывались подчинённые Цинь Сина.

Десять минут спустя помощник обрабатывал рану Цинь Сина, сидевшего в углу. Мужчина с холодным лицом не верил, что Чу Цзяэнь ради Цзо Сюаня поднял на него руку. Он бросил взгляд на красавца, сидевшего на краю кровати, поджавшего колени и гордо защищавшегося.

Внезапно он заговорил, используя примирительный тон:

— С завтрашнего дня поедem жить в старый особняк семьи Цинь, хорошо? Цзяэнь, я в последний раз предупреждаю тебя: не зли меня больше.

На лице человека на кровати виднелись две высохшие слезные дорожки. Услышав слова Цинь Сина, он холодно усмехнулся:

— Я — вещь, которую ты купил за большие деньги. Разве у меня есть право выбора? Цинь Эршао.

— ...

— Я не поеду! — Уютно устроившись на диване и собирая самый маленький набор Лего, Жун Сяобэй решительно отказался.

Цинь Чэн и Жун Юй обменялись взглядами.

— В особняке Цинь тебя в школу будет возить водитель, так что можешь не переживать из-за опозданий. Мы подготовим для тебя комнату в три раза больше твоей нынешней, с отдельной ванной и туалетом. Можешь гулять, когда захочешь. Разве этого недостаточно?

Жун Сяобэй надул губы, устанавливая последний элемент модели.

— Мне это неинтересно. Моя комната и так достаточно большая, а всё, что ты предлагаешь, меня совсем не привлекает.

Цинь Чэн и Жун Юй приехали забрать Жун Сяобэя в резиденцию Цинь. Жить под одной крышей с Цинь Хэ и Лю Мэй было, конечно, неприятной перспективой, но Цинь Чэн вспомнил, что это дом, где его мать прожила половину своей жизни, и отбросил все остальные мысли.

В конце концов, они проживут там недолго. Болезнь Цинь Хэ даст ему максимум год, и тогда он сможет свести все счета.

Но кто мог подумать, что сейчас Жун Сяобэй вообще не собирается ехать с ними.

Жун Юй с тревогой посмотрел на младшего брата:

— Если ты не поедешь с нами, как я могу быть спокоен за тебя? Утром будет неудобно с едой и всем остальным.

— Какие могут быть неудобства? Я уже взрослый, брат. Не надо относиться ко мне как к школьнику. Если я поеду с вами в дом Цинь, это будет как жить на милости чужих людей, а я не хочу терпеть такое отношение.

Жун Юй замер, а Цинь Чэн произнёс:

— Что за чушь про «жить на милости чужих людей»? Ты неправильно используешь идиому. Там будет моя территория, кто посмеет обижать вас?

— ... А вдруг, вдруг кто-то не любит собак?! — Жун Сяобэй посмотрел на Жун Сяожуна, мирно спавшего у него на коленях.

Цинь Чэн с раздражением цыкнул:

— В нашей семье нет таких причуд. Твою собаку тоже заберем с собой. Пусть бегает по всему дому, во дворе, где угодно. Пусть гадит, где хочет, мне всё равно.

— ...

Жун Сяобэй с отвращением посмотрел на своего номинального деверя, пытаясь придумать ещё одну причину, чтобы не ехать в дом, полный незнакомцев, и продолжил *methodically* разбирать и собирать Лего.

Цинь Чэн, увидев, как он в очередной раз разбирает и собирает модель, прищурился и с притворным удивлением воскликнул:

— Ой, как я мог забыть! В том доме у меня есть целая комната, забитая наборами Лего всех марок!

Школьник на диване действительно поднял голову, и его глаза загорелись.

Цинь Чэн, улыбаясь, начал торговаться:

— Если ты согласишься переехать, все модели будут твоими.

Взгляд Жун Сяобэя уже выдавал его, но в конце концов он всё же покачал головой.

Цинь Чэн:

— ???

Жун Юй пожал плечами и мягко заговорил с братом:

— Я буду с тобой, я не позволю никому обижать тебя. К тому же, там будет Цинь Дагэ. Ты же помнишь, как он помог тебе разобраться с семьёй Ин? Сяобэй, это всего лишь на время. На зимних каникулах мы вернёмся, ладно?

Тон брата был искренним, и Жун Сяобэй не смог вынести, как его старший брат буквально умоляет. Наконец он кивнул.

Жун Юй сначала собрал свои вещи, которые хотел взять с собой, а Цинь Чэн взял его чемодан и отнёс вниз. Маленький Омега шепнул ему на ухо:

— Те модели... Не отдавай их все Сяобэю. Они ведь твои сокровища, правда?

Это напомнило Цинь Чэну. Он тут же позвонил своему помощнику и приказал купить полный комплект Лего прямо сейчас. Жун Юй даже не успел его остановить.

Помимо чемодана, у Жун Юя был ещё рюкзак. Вечером он достал из рюкзака дневник и книгу по выпечке, положил их на стол у кровати, взял полотенце и пошёл в душ.

Цинь Чэн вернулся с балкона, где разговаривал по телефону. Заряжая телефон, краем глаза он заметил толстую тетрадь на тумбочке.

— О, правда, как ребёнок — всё ещё ведёшь дневник.

Бессовестно открыв его, он сразу же наткнулся на запись, сделанную на следующий день после их свадьбы.

Первая строка гласила: «Я женился на Цинь Дагэ», но затем было добавлено слово «притворно».

«Цинь Дагэ — самый красивый мужчина, которого я когда-либо видел. Кажется, он не такой уж плохой. Пока что не буду рассказывать Сяобэю, что наш брак — притворный. На самом деле... было бы здорово, если бы мы были настоящими влюблёнными, как мама и папа».

После паузы он добавил:

«Мама, папа, с моим младшим братом всё хорошо. И вы на небесах тоже будьте счастливы».

— ...

Цинь Чэн, испытывая смешанные чувства, закрыл дневник. Затем, глядя на закрытую дверь ванной, он удовлетворённо улыбнулся.

Он провёл рукой по волосам и самодовольно произнёс:

— Малыш знает толк. Конечно, я самый красивый.

— ...

Миниатюра:

Жун Юй: Цинь Дагэ подглядывал, подглядывал за моим дневником!

Цинь Чэн: Малыш, если бы я не подглядывал, как бы я узнал, что ты хочешь со мной встречаться? Иди сюда, я тебя поцелую.

Жун Юй: У-у, хулиган! [уши торчат]

<http://bllate.org/book/16806/1545446>